

Гавана

*Y así se lleva, en este infierno de San Cristóbal... la vida más perra
que arrastrarse pueda en el reino de este mundo.*

*¡Ah! ¡Las Indias! ¡Las Indias!**

Alejo Carpentier. El camino de Santiago

Крик петуха в предрассветную рань
(Ночь пролетела, за нею другая)
Лезвием ржавым вонзится в гортань —
Ты не в Чикаго, моя дорогая.

Город, как мертвая роза, в руках —
Пальцем коснись, и рассыплется в прах.

Гомон на пристани, стук молотка,
Мокрых снастей набухающий кокон;
Капля, помедлив, сползает с виска;
Сумерки, срез перепончатых окон,

Влажное кружево, мрак, тишина,
Воск, оплывающий на пол. Страна

С именем кратким, как выдох — и вдох
(скрип или всхлип). Цитадель, Фернандина,
Гиблое место, мой ангел. Из трех
Сотен ангольцев всего половина

До окончанья дождей доживет
(Занавес, дрогнув, к кулисам плывет).

Полдень, дыхание каменных плит,
Красная нитка на смуглом запястье;
Горсточкой черной фасоли гремит
В такт барабанам нехитрое счастье;

* Так и течет жизнь в этом аду под названием Сан-Кристоваль — самая что ни на есть собачья жизнь, хуже которой и не бывает на свете. О, Вест-Индия, Вест-Индия! (Исп.)

Новые пешки для новой игры.
Хриплое радио, звон мошкеры,

Лепет Масорры и рев площадей,
Шарканье конги, сухие ладони,
Август, испарина, грохот дождей,
Крики на лестнице, топот погони,

Кровь на губах и бумажный комок —
Пропасть, свобода. В назначенный срок

Все, что истлело, вернется опять,
Вспыхнет, всплывет, прорастет, повторится —
Ветром, терзающим мокрую прядь,
Запахом патоки, тлена, корицы,

Плесени, спермы, безумья, чумы

(Яростный хор вырастает из тьмы).

Бременские уличные музыканты

Слушай, товарищ, давай убежим!
Видишь, в углу под навесом молодка
С детским усердием точит ножи
И улыбается тихо и кротко.

Гости грозились приехать, и вот
В доме с утра закипела работа;
Скоро ко мне моя смерть подойдет,
Пряча под белым передником что-то.

Выпустит бедную душу мою:
Солнце все выше, котлы закипели...
Вот отчего я так громко пою!
Может, давай убежим, в самом деле?

В городе Бремене весело жить —
Кружкой стучать, подпевать и смеяться
Шуткам чужим, все, что было, забыть
И никогда и ни с кем не прощаться.

В детских ладонях согретая медь,
Долгие праздники, краткие будни;
Все горожане сбегутся смотреть,
Как ты заправски играешь на лютне.

В длинной каморке, под пенью в трубе
Мы заживем, постепенно старея;
Осень придет. Я привыкну к тебе —
Я научусь привыкать поскорее.

А в декабре мы с тобою уйдем
В праздничный лес, запорошенный снегом,
И набредем на разбойничий дом,
Чтобы разжиться вином и ночлегом.

Все холодней небеса поутру.
Встанешь, неяркую лампу засветишь;
Ты не заметишь, когда я умру
(Я ведь умру — только ты не заметишь).

В сторону -от-

Fiesta

Памяти Эрнеста Хемингуэя

Ветер листает газеты в чугунных кофейнях.
Так отрешенно грустен смотритель отеля.

В винных подвалах вязкий настоян сумрак.
Мальчик, время фиесты идет на убыль.

Все это — с холста исчезающий слепок лучистый:
Багровые горы — в зрачок импрессиониста,

Быстрый вдох между явью и явью — в плен сегидильи,
Обернешься назад — и сердце пробьет навывлет.

Освобожденные от арен и пик матадоров,
Души миурских быков бросаются в море,

А над пеной кружек в споре взлетают монеты
Об искусстве корриды андалузского лета.

Ты же — с каждым глотком тоски проникаешь в лоно
Обольщений — вихря несложных вероник

Для зверей-чувств, крадущихся незаметно,
Этот цвет — ярче любой мулеты!

И на висках проступает влага. Искус
Не променять ритуал бандерилий на выстрел;

Кастаньетной дробью тонко и нервно
Бьется пульс душистой испанской таверны.

Время забыло нас в карнавальном чаде;
Душа и тело существуют с собой в разладе.